

У Цзиньсэ нервно дернулся уголок губ — Третий господин был так прекрасен, что люди сравнивали его с красной сливой в снегу или магнолией на ветру... но сегодня впервые она услышала, как его называли собачьим хвостом.

Она шагнула вперед, чтобы оттащить придурковатого Седьмого господина, который вцепился в хозяина, но Гу Цзинлань взмахнул рукой, останавливая её:

— Уйди. Выйди и закрой дверь.

Сердце Лу Юаньшао сжалось, он заулыбался еще глупее. Цзиньсэ с неохотой вышла.

Гу Цзинлань оттолкнул руку, обхватившую его бедро:

— Юаньшао, ты раньше стоял под окном. Что ты видел?

«Я видел, что ты гэ-эр», — подумал Лу Юаньшао. Но, разумеется, признаться в этом было невозможно, нужно притворяться дурачком до конца:

— Ты такой красивый!

— ... — Гу Цзинлань взял парня за плечи, взгляделся ему в глаза и спросил серьёзно, мягко и терпеливо: — Юаньшао, скажи дяде, что ты видел?

Лу Юаньшао тупо смотрел в его глаза — длинные, узкие, как у феникса, они сейчас были сосредоточены только на нём одном, в них плескалась волна света, бездна нежности... Правда, правда, красивый, — искренне подумал Лу Юаньшао на этот раз.

— Уа-а-а! — Лу Юаньшао заревел в голос, несколько не заботясь о приличиях, и, плача, начал колотить по руке, сжимавшей его плечо: — Больно! Ты сделал мне больно!

Гу Цзинлань в испуге разжал пальцы, подумав, что, наверное, сам того не заметив, приложил слишком много силы.

Лу Юаньшао зажмурился и завыл в три ручья, скрывая таким образом запоздалый ужас. «Всё пропало, — думал он, — ещё неизвестно, останусь ли жив... а я ещё смею любоваться красотой?»

Гу Цзинлань смотрел, как парень голосит уже полдня, но ни одной слезинки не выронил, и его уже разбирал смех — мастерство ещё не доросло, ни капли слёз.

Он мягко погладил Лу Юаньшао по макушке, притянул к себе в объятия и похлопал по спине, но тут под воротником заметил два-три чёрных кровоподтёка. Взгляд Гу Цзинлани потемнел... Точно, нашлись холопы, предавшие хозяина!

— Юаньшао, хочешь, дядя заберёт тебя к себе?

Лу Юаньшао остолбенел... Он, он ослышался?

— Тебе уже восемь лет, а ты ещё даже азбуки не знаешь. Я знал, что невестка человек мелочный, но не думал, что она настолько тебя не выносит, — сказал Гу Цзинлань и, закатав ему рукав, обнажил руку, сплошь покрытую синяками — зрелище пугало.

Эти синяки... скорее всего, дело рук прислуги, которая за ним ходила.

— Ту служанку, — бесстрастно продолжал Гу Цзинлань, — я перебил ей ногу. Считай это моим знаком искренности. Жизнь я ей оставляю — подрастёшь, сам с ней разберёшься.

Гу Цзинлань погладил его по голове, заглянул в глаза:

— Что бы ты сегодня ни увидел, об этом нельзя никому рассказывать, понял?

— Если согласишься, я попрошу у бабушки, чтобы тебя отдали мне. Будешь жить в Обители Слушающего Волны. Я сам начну твоё обучение, буду учить читать, приглашу знаменитого наставника для занятий воинским искусством. Как тебе?

Лу Юаньшао застыл на месте, долго не мог прийти в себя.

Он был побочным сыном из старшей ветви. Старшая госпожа была гэ-эр, но старший господин не любил мужчин, завёл целый гарем из пышных красавиц. У самой старшей госпожи долго не было детей, а во дворе старшей ветви один за другим рождались младенцы.

Мать Лу Юаньшао умерла от послеродового кровотечения, но он чудом выжил. Как побочного сына без матери, его должны были отдать под опеку законной супруги. Первое время жилось ему не сказать чтобы хорошо, но хотя бы был одет и сыт.

Однако четыре года назад старшая госпожа наконец забеременела, и с тех пор смотрела на него всё с большей неприязнью. Жизнь постепенно стала невыносимой. В пять лет его толкнули в пруд; он выбрался сам, после жестокой лихорадки «одурел» — намеренно.

— Тогда он был слишком мал, и никто его не защищал; оставалось только притворяться дурачком, чтобы уберечься.

После этого его ветреный отец, никогда им не интересовавшийся, видимо, что-то заподозрил и прислал к нему свою кормилицу... но та давно была подкуплена старшей госпожой.

Если... если бы можно было перебраться к младшему дяде...

Сердце Лу Юаньшао бешено заколотилось, он боялся даже думать.

Он нисколько не сомневался, что Госпожа-мать согласится на это — все в Поместье герцога Вэй знали: о чём бы ни попросил Третий господин, если возможно, Госпожа-мать и герцог уступят.

Дядя — первый на экзаменах, будет сам учить его чтению, найдёт человека для занятий боевыми искусствами. В этой Обители Слушающего Волны, куда ветер не проникнет, грязные лапы из старшей ветви, явные и тайные, никак не дотянутся.

Ему не нужно будет бояться, что кто-то подсыплет яду, не придётся тревожиться о пище и одежде, опасаться, что ему причинят вред... Нет, тревожиться придётся только об одном человеке.

Лу Юаньшао поднял голову и посмотрел на Гу Цзинланя — единственный, кого он должен опасаться, — его младший дядя. Один человек.

Лу Юаньшао прикусил губу. На этот раз слёзы пошли настоящие. Он всхлипнул:

— Дядя... правда можно?

Ему нужно было опасаться только одного: действительно ли дядя пожалел его и хочет защитить... или же хочет забрать его к себе, чтобы замести следы.

Гу Цзинлань увидел, что малец уставился на него огромными глазами, смотрит умоляюще, кусает губы, сдерживая плач, и слёзы льются так горько.

Он вздохнул, взял платок и вытер ему слёзы:

— Ты не хочешь идти жить к дяде?

Лу Юаньшао молча покачал головой. Был ли у него выбор? Это просто игра: или умереть во Дворе Чжэндэ старшей ветви, или погибнуть здесь, в Обители Слушающего Волны. А надежда в одну тысячную — поставить на то, что дядя и вправду сжалился над ним.

«Хоть бы так», — думал он. Он прожил в Поместье Лу восемь лет и никогда не питал никаких надежд на человеческую природу в этом доме.

Такой юный, а сердце — твёрдый камень.

— Дядя, дядя... — Лу Юаньшао опустил веки, пряча в глазах печаль, голос его прерывался от рыданий: — Дядя будет учить меня читать?

— Конечно, буду. Дядя сам тебя выучит, — память и знания прежнего владельца тела сейчас были в его голове; неужели первый на экзаменах не сможет научить какого-то мальчика?

— Дядя, дядя... — Гу Цзинлань стоял на корточках, Лу Юаньшао бросился к нему и обхватил за шею, всхлипывая, выпачкал ему ворот соплями и слезами.

Гу Цзинлань: ... Терпи!

Примерно через четверть часа Лу Юаньшао наконец перестал плакать. Всё это время Гу Цзинлань мягко похлопывал его по спине, спокойно и терпеливо, без тени недовольства.

Там, где Гу Цзинлань не видел, по губам Лу Юаньшао скользнула усмешка презрения.

Как же мягкосердечен... но, надо сказать, спасибо этой его мягкости.

Был ли он на самом деле так слаб? Вовсе нет. Как и «притворство дурачком», эти детские слезы — лишь еще один слой защитной окраски, который он на себя набросил.

Лу Юаньшао обнял Гу Цзинланя за шею. От стоящего рядом человека исходил легкий аромат бамбуковых листьев, кожа на щеке была нежной и гладкой, если взглянуть — казалось, окутана свечением. Он смотрел, как его собственные слёзы скатываются по щеке, уходя за воротник — и там, в глубине, смутно угадывалась красная родинка.

Сердце его дрогнуло, он не сдержался и протянул руку... Если нажать сильнее, сквозь ткань явственно ощущался бугорок близи левого плеча.

— ... Можно, я трону?

Сказав это, Лу Юаньшао тут же пожалел. Такая просьба — уже перебор, дядя наверняка отругает.

Гу Цзинлань еще не привык к тому, что его новое тело принадлежит гэ-эр, и вовсе не осознавал, что подобная просьба по отношению к гэ-эр может считаться чуть ли не оскорблением.

Он проигнорировал странное чувство в душе и кивнул в согласие.

Ему разрешили... Лу Юаньшао ухватился за ворот и рванул вниз, открыв бледную кожу на плечах Гу Цзинланя.

Почти под затылком, у левого плеча, алая, как кровь, родинка цвета темного стекла.

Словно зачарованны, он протнул ее пальцем, легко погладил.

Родинка отливала аномальным блеском, будто отзывалась на его прикосновение.

<http://bllate.org/book/20357/2035243>